

Въ губерліяхъ въ
Университетскихъ Пре-
гов. Конторахъ.

КАВКАЗЪ,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

№ 41.

УСЛОВІЯ ПОД-
ПИСКИ:

За газету «Кав-
казъ» безъ казен-
ныхъ прибавл. 9
р., съ прибавлен.
12 руб. 50 к. За
одни казенныя при-
бавленія 5 руб. Съ
частныхъ объявлен-
ній, печатаемыхъ
въ газетѣ, взи-
мается по 1/4 коп.
сереб. съ буквы.

ПОДПИСКА
ПРИНИМАЕТСЯ:
Въ Тифлисъ: въ
Редакціи, находя-
щейся при Типо-
графіи, что на Але-
ксандровск. площа-
ди и комисіонера
ея. Г. В. Берен-
штама; а также въ
Губ. Почт. Конто-
рѣ. Въ С.-петер-
бургѣ: въ газетной
Экспедиціи С. пе-
тербург. Почтамта.
Въ Москвѣ: у ком-
мисіонера Импер.
Моск. Университ.
Ф. О. Свѣтлицкова

СОДЕРЖАНІЕ:

- Правительственные распоряженія. Высочайшіе приказы по военному ведомству отъ 8—11-го мая и повелѣніе.
- Извѣстія о Россіи. Придворныя извѣстія. Высоч. повелѣнія. Свѣдѣнія о семействѣ Шамши.
- Политическое обозрѣніе.
- Фельетонъ. Разказы Нитенки.

**ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.
ВЫСОЧАЙШЕГО ПОВЕЛѢНІЯ
ПО КАВКАЗСКОЙ АРМІИ.**

Мая 8-го дня 1860 года. Производится, за отличие по службе: Гребенскаго полка Кавказскаго Линійнаго Казачьяго войска, изъ урядниковъ въ Хорунжіе *Рогожннъ*.—По милости. Изъ Подполковниковъ въ Подполковники князь *Адиль-Гирей Каплановъ-Печевъ*. Изъ Штабель-Капитановъ въ Капитаны, Карачаевскій Приставъ *Давыдъ Аллицевъ*; съ оставленіемъ въ настоящей должности. Назначается: Состоящій по Армейской Пѣхотѣ и при Кавказской Арміи Подполковникъ *Домбровский*—Дежурнымъ Штабель-Офицеромъ Штаба 4-го Армейскаго Корпуса, съ оставленіемъ по Армейской Пѣхотѣ. Зачисляется: Прапорщикъ Милннн *Магловъ*—въ Аншеронскій Пѣхотный полкъ, со старшинствомъ въ этомъ чинѣ съ 17-го декабря 1858 года. Переводится: Флигель-Адъютантъ Его Императорскаго Величества Полковникъ Кавалергарскаго Ея Величества полка *Грассе*—въ Крымскій Пѣхотный полкъ. Флигель-Адъютантъ Его Императорскаго Величества, Штабель-Ротмистръ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка князь *Итатійскій графъ Суворовъ-Римникскій*—въ Ставропольскій Пѣхотный полкъ. Маіоромъ,—оба съ оставленіемъ въ званіи Флигель-Адъютантовъ Кавказскаго Линійнаго Казачьяго войска Сотникъ *Штейнъ-фонъ-Норденштейнъ*, за границу въ Австрію—въ города: Вѣну и Сегединъ, на четыре мѣсяца. Исключаются изъ списковъ: Убитый въ дѣлѣ съ Горцами. Есаулъ 2-го Кубанскаго полка Кавказскаго Линійнаго Казачьяго войска *Зряннъ*. Умершій, Ставропольскаго Пѣхотнаго полка Поручикъ *Коноваловъ*.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

РАЗСКАЗЫ НИТЕНКИ.

Нитенко—отставной кандидатъ . . . скаго полка. Не знаю, живъ-ли онъ теперь и все-ли попрежнему стоитъ его домикъ въ Назрановскомъ укрѣпленіи? Чего добраго, и не застаю ужъ тамъ старика, если Богъ приведетъ еще когда нибудь побывать въ Назранѣ. А хотѣлось бы встрѣтиться еще разъ съ добрымъ человѣкомъ.

Нитенко, что называется, честно и непорочно отзвонилъ чуть не тридцать лѣтъ на службѣ. И все на Кавказѣ! Гдѣ онъ только не бывалъ? И въ Дагестанѣ, и въ Чечнѣ, и Закавказьѣ, словомъ, *помаленьку*, по его выраженію. Онъ два раза раненъ, имѣлъ крестъ съ бантомъ, медаль за Персидскую кампанію, еще какую-то другую медаль (не помню). Не смотря на свои 58 лѣтъ, Нитенко два года назадъ былъ еще молодецъ хоть куда! Его четырнадцатилѣтній сынъ Митька одинъ достаточно свидѣтельствуетъ о степени силъ и здоровья своего батюшки.

Въ то время, какъ я познакомился съ Нитенкой, онъ исключительно занимался торговлей. Лѣтомъ онъ закупалъ на старой линіи разныя овощи, фрукты и на нихъ сбывалъ себѣ копейку, а зимою торговалъ рыбой. Нитенко даже за ворота укрѣпленія не выходилъ безъ своего заветнаго штуцера, который достался ему какимъ-то образомъ еще на службѣ. О! да и холить-же его почтенный ветеранъ! Нужно замѣтить, что и штуцеръ въ свою очередь былъ самымъ благодарнымъ товарищемъ Нитенки, если послѣднему случалось когда нибудь употреблять его въ дѣло.

Мая 9-го дня. Опредѣляется въ службу: Уволенный изъ состоявшихъ по Армейской Пѣхотѣ Капитановъ Маіоромъ, *Мукинъ*—въ Кавказскій Линійный баталіонъ № 4-го, прежнимъ Капитанскимъ чиномъ. Переводится: Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Прапорщикъ *Лузинъ*,—въ Нижегородскій Драгунскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полкъ, Поручикомъ. Увольняется отъ службы, за болѣзнію: Виленскаго пѣхотнаго полка Штабель-Капитанъ *Стефановскій Швейцъ*, Капитаномъ и съ мундиромъ.

Мая 10-го дня. Назначаются: Состоящій по Армейской Пѣхотѣ и при Кавказской Арміи Генералъ-Маіоръ *Бартоломей 2-й*—Членомъ Совѣта Намѣстника Кавказскаго, съ оставленіемъ по Армейской Пѣхотѣ. Командиръ Понтоннаго № 4-го парка, Подполковникъ *Быковъ*—Командиромъ 1-го Кавказскаго Сапернаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго баталіона. Переводится: Бывшій помощникъ Начальника Чеченскаго Округа, состоящій по Армейской Пѣхотѣ Маіоръ *Красницкій*—въ Куринскій Пѣхотный полкъ. 19-й Артиллерійской бригады Капитанъ *Ворошиковъ*—въ 15-ю Артиллерійскую бригаду. Увольняется отъ службы, за болѣзнію: Прочно-Оконской Крѣпостной Артиллеріи, Подпоручикъ Гарнизонной Артиллеріи *Воскресенскій*, Поручикомъ, съ мундиромъ и съ пенсіономъ двухъ третей оклада.

Мая 11-го дня. Производится, за выслугеюмъ узаконенныхъ лѣтъ: Кавказскаго Линійнаго Казачьяго войска Гребенскаго полка, изъ урядниковъ въ Хорунжіе: *Тихоговъ, Чекусовъ, Макушинъ и Шалинъ*,—все четверо съ увольненіемъ отъ службы. Лейбъ-Гвардіи Кавказскаго эскадрона Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя, изъ юнкеровъ въ Прапорщики *Мессея-Меличъ-Арагеловъ*—въ Нижегородскій Драгунскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полкъ. Зачисляется: Кизлярскій Городничій, Капитанъ Кавказскаго Линійнаго баталіона № 13-го *Куликоевъ*—по Армейской Пѣхотѣ, съ оставленіемъ въ настоящей должности. Переводится: Конно-Артиллерійской бригады Черноморскаго Казачьяго войска Сотникъ *Корсуновъ*—въ это войско. Умершие исключаются изъ списковъ: Кавказ-

Предлагаю въ настоящее время съ буквальной точностію разказъ, переданный мнѣ Нитенкой. Даже нѣкоторыя фразы уважаемаго старика воскресаютъ въ моей памяти, лишь только вспомню о немъ.

«Лѣтомъ въ 1857 году, я какъ-то собрался на Линію за арбузами,—началъ разказывать Нитенко. Дѣло не то, чтобъ спѣшно было, а такъ, думалъ и себѣ на зиму рассолить и пораспродать людямъ, коли останется залишекъ. Что-жъ вы думаете?—не доезъ до дому, все чисто разхватили. Оно и ничего, думаю—Богъ убогавотворилъ: денга шевельнулась въ мошнѣ таки порядкомъ, да чуть на дворѣ показалась—старуха осерчала. Ты, молъ, такой-сякой, намазанный, людямъ угодить—угодилъ, а старухѣ-то на хозяйство хоть бы полсотни огурчиковъ привезъ... и пошла! Я ей и такъ, и этакъ, говорю: благо-бы, Матрена, денги были, огурчиковъ и зимой, коли придется, прикупимъ. Куда тебѣ!—Дѣлать нечего: баба проситъ, ты ей хоть роди, а дай. Ну, нашему брату думать не долго: денга два покормилъ своихъ клѣтъ—и къ Митькѣ. «Собирайся, братъ, говорю; ѣдемъ!» Сынишка послушный, съ батюкой не дребеденить—запергъ, и вся недолга. Штуцеръ, извѣстно, со мной. Сѣлъ я въ кибитку, Митьку посадилъ на повозку—и съ Богомъ!

«Дохали мы до Кизляра благополучно. Мыкаль я по всему городу день цѣлый; три, не то четыре раза вспотѣлъ и высохъ. Ну, гдѣ тутъ достанешь огурцовъ да арбузовъ для соленья? пора прошла. Привезешь какихъ нибудь—люди съѣяться станутъ: для соленья нужно этой дрянн помоложе, да позеленѣе, а они все удалисъ вонъ съ Митьку ростомъ. Бился я, бился, дай, молъ, повыберу что получше, да съезу старухѣ—пусть тѣшитса. Вozъ набралъ тамъ, а кибитку наполнилъ въ Архонктъ. Возъ

скаго Линійнаго Казачьяго войска полковъ, Сотники: Гребенскаго—*Лисичкинъ* и Кизлярскаго—*Сезинъ*.

Его Императорское Величество Высочайше повелѣть изволилъ: Государямъ Великимъ Князямъ считать службу съ 16-ти лѣтняго возраста; присягу же на вѣрность службы приносить попрежнему, вмѣстѣ съ установленною закономъ (1 т. Св. Зак. изд. 1858 года Учрежд. объ Императорской Фамиліи, ст. 166) присягою, по достиженіи совершеннолѣтія.

ИЗВѢСТІЯ О РОССІИ.

Придворныя извѣстія.

Въ воскресенье, 8-го мая, военные члены—Французскаго посольства—подполковникъ главнаго штаба, г. Кольсонъ, и австрійскаго—подполковникъ главнаго штаба, г. Дешперъ, имѣли честь представляться, въ царскосельскомъ дворцѣ, Его Величеству Государю Императору. Въ тотъ же день оба эти лица имѣли честь представляться Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу.

Во вторникъ, 10-го мая, г. Дашлессъ, прибывшій съ дружественнымъ (officieuse) порученіемъ отъ швейцарскаго правительства, имѣлъ честь представляться Его Величеству Государю Императору. (J. de St.-P.)

Государственный Совѣтъ мнѣніемъ своимъ, Высочайшеутвержденнымъ 11-го апрѣля, положилъ: въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: «Билеты комисіи погашенія долговъ 3% займа 1859 г. принимать: 1, въ залогъ казенными мѣстами по казеннымъ подрадамъ и поставкамъ—билеты въ 100 фунтовъ стерлинговъ по четыреста двадцати рублей, а билеты въ 1,000 фунтовъ по четыре тысячи двѣсти рублей; 2, къ учету въ коммерческомъ банкѣ и его конторахъ—билеты въ 100 фунтовъ стерлинговъ по триста сорока рублей, а билеты въ 1,000 фунтовъ стерлинговъ по три тысячи четыреста рублей.»

— Государь Императоръ, признавая необходимымъ для развитія въ Сибири промышленности, ввести тамъ частную поземельную собственность по примѣру прочихъ областей

куда занесло! Только этакъ на утро думалъ выѣзжатиду въ базару—глянь! такъ и есть—сноха. Ты какъ съюда? Да изъ Капкая. Возьмите молъ и меня съ собой, погощу у васъ.—Просимъ покорно. А чреватаа!...

«Утрекомъ, чуть разсвѣтъ, какъ бывало съ позпніи спинались, мы и поднялись. Думалъ поскорѣе за ворота—да какъ-бы не такъ: пока блинновъ да млинновъ хозяйка понапекла—и задержалса. Что будешь дѣлать? Ужъ сказано: гдѣ бабы—тамъ добра не жди. Выѣхали мы—солнышко выкатилось. Дорога-то дальняя, а хотѣлось всю въ одинъ день впередъ; тронулъ,—кони сытые: пошли, да пошли.

«Верстахъ въ семи нагоняемъ мы цѣлый транспортъ. Только поровнялись—здравствуй, да здравствуй! Казаки съ бабами, все народъ знакомый; были тамъ и воронцовскіе (!) мужики: кто арбузы везъ, кто огурцы, а кто такъ-себѣ ѣхалъ домой. Приставай молъ къ намъ, Никита Трофимычъ, поѣдемъ вмѣстѣ, все веселье.—Да васъ тутъ много—и на волахъ, говорю; когда мы доѣдемъ? А мнѣ нужно поспѣвать.—Доѣдемъ, Богъ дастъ, какъ нибудь, возьмемъ напрямки; а тамъ и къ тебѣ на квартиру. Хоть позднечко будетъ, да не побрезгаешь нами.—Кои такъ, милости просимъ.

«Повозокъ насъ было съ двадцать и народу-то, ничего, да плохо вооружены. Изъ воронцовскихъ-же, почитай, у другаго и съ-роду не водилось никакого оружія; такъ себѣ и ѣздитъ. Были и Доңцы, ребята ярме—да на нихъ-то плоха надежда: я дальше плюну, чѣмъ онъ выстрѣлитъ. Ужъ и ружья! довершилъ Нитенко полупрезрительнымъ тономъ.

«Солнышко подошло къ полудню; нужно покормить ско-

(!) Изъ селенія Воронцовки.

государства, приступивъ нынѣ же къ этой мѣрѣ по Западной Сибири, гдѣ, по удостовѣренію генерал-губернатора сего края, есть значительная пространства совершенно-свободныхъ казенныхъ земель,—согласно положенію Сибирскаго Комитета Высочайше соизволивъ повелѣть: для введенія частной поземельной собственности въ Западной Сибири разрѣшить тамъ теперь же: во-первыхъ, продажу въ частныя руки нѣкоторой части пустопорожныхъ казенныхъ земель и во-вторыхъ, раздачу сихъ земель по Всемилостивѣйшему пожалованію, за отлично-усердную и ревностную службу.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, мы говорили о знаменитомъ калужскомъ пѣвчикѣ—Шамиль, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ состоящимъ при немъ приставомъ, г. Руновскимъ. Въ послѣдней книжкѣ «Военнаго Сборника» появилась новая статья того же автора, въ которой сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о семействѣ имама. Хотя свѣдѣнія эти не отличаются тѣми подробностями, съ которыми изображены личность Шамиля и его казначей, Хаджію, по-причинѣ очень-понятной:—восточныя женщины избѣгаютъ встрѣчи съ гурами и если бывають съ ними вмѣстѣ, то не иначе, какъ съ закрытыми лицами,—тѣмъ-неменѣе въ статьѣ г. Руновскаго много интереснаго и мы позволяемъ себѣ, на основаніи его замѣтокъ, познакомить нашихъ читателей съ семействомъ Шамиля.

У имама, какъ извѣстно, двѣ жены: Зейдотъ и Шуанатъ. Настоящее имя Зейдотъ—Залидотъ, что значитъ «отшельница», «благочестивая». Ей около тридцати лѣтъ. Она не отличается красотой, но, по словамъ Хаджію, очень-умна. Зейдотъ превосходно знаетъ корянь, вполне изучила характеръ мужа и имѣетъ на него большое вліяніе, даже въ важныхъ дѣлахъ. Одинъ фактъ лучше всего доказываетъ такое вліяніе. Двухъ старшихъ своихъ дочерей, Нафисатъ и Фатиматъ, Шамиль сначала хотѣлъ выдать замужъ за сыновей двухъ сильныхъ и уважаемыхъ набовъ, Кибит-Магома и Албаз-Дебира. Такой союзъ имѣлъ бы важное значеніе для упроченія силы имама, такъ-какъ посредствомъ его онъ пріобрѣталъ двухъ могущественныхъ союзниковъ. Но потомъ вслѣдствіе ссоры, особенно вслѣдствіе настояній Зейдотъ, Шамиль измѣнилъ это намѣреніе и выдалъ дочерей за братьевъ своей умной супруги. Это событіе произвело въ горахъ чрезвычайно-непріятное впечатлѣніе; набивы рѣшились отмстить имаму, что и исполнили во-время послѣднихъ дѣлъ на Кавказѣ.

Личность другой жены Шамиля — Шуанатъ, по свѣдѣтельству г. Руновскаго, очень-вѣрно описана въ книгѣ г. Вердеревскаго. Шуанатъ—довольно-красива собой. Это — женщина любящая, сосредоточивающая всѣ интересы на мужѣ и за тѣмъ уже ничѣмъ неинтересующаяся, кромѣ развѣ своей дочери—Собіятъ. Шуанатъ видитъ въ Зейдотѣ довольно-сильную соперницу и старается всѣми мѣрами не отставать отъ нея въ нарядахъ. Она желаетъ пе-

типу. Оно и на руку: близехонько была канава. Покорили мы, наполнили и опять въ путь.

«До дому мнѣ оставалось верстъ пятнадцать, а ужъ не рано. Мы погоняемъ пошибче. Вдругъ вижу, гавстрѣчу намъ ѣдутъ четыре татарина, изъ себя ничего—молодые и кони подъ ними важные. Подѣзжаютъ поближе, ухмыляются и шепчутся промежъ себя; одинъ поздоровался съ нами; порусски хорошо говоритъ. И мы ему: здравствуй, молъ!

— Дай, кунакъ, говоритъ, намъ по арбузу.—Одинъ изъ дощповъ протянулъ было руку къ арбузамъ. — Не давай, кричу ему.

— Э, пускай ѣдятъ!—далъ. Тѣ на меня волкомъ посмѣтрѣли. Поѣхали.

— Смотри, ребята, говорю я своимъ молодцамъ, держи ухо востро: они насъ таки перестрѣютъ попозже. Ужъ я ихъ знаю, не впервой съ ними куначиться. Такъ и отгадалъ.

«Стемило. Кабы, думаю, намъ поскорѣе миновать Воронковскую балку, тогда дѣло въ шляпѣ. Нѣтъ; какъ ни старался, а вѣхали мы въ балку — стало темно. Не отставай! кричу. Сердце чуяло передрагу. Вотъ проползли мы еще немного, смотрю на всѣ стороны, ажъ глазамъ больно,—ничего не видно, темнѣе такая, что не дай Богъ.

«Вдругъ, какъ гикнуть впереди насъ, потомъ тахъ!... тахъ!... тррр... И посыпали! Да ихъ тамъ никакъ человѣкъ двадцать было. Стой, кричу, ребята! Строй городокъ! скотину и бабъ въ середину! Ну, у меня извѣстно, ужъ заранѣе была готсва команда на случай тревоги. Казаки смекнули, не впервой и имъ. Мигомъ отпрыгли воловъ, обставились повозками какъ попало—и сами залегли. Я тѣмъ временемъ Митьку по затылку: ступай молъ, сынъ, и ты туда-же со svoхой,—поворотилъ коня, хлестнулъ его, а самъ соскочилъ, да въ сторону; сталъ на колѣнки и гавель штуперъ туда, гдѣ огоньки блестели. А они руга-

премѣнно имѣть точно-такой же браслетъ, такой же арха-лукъ, какіе у Зейдотъ; желаетъ, чтобы все это было не хуже, но и не лучше, чѣмъ у другой жены. Забѣйте и не лучше—въ борьбѣ, кажется, она хочетъ употреблять равное оружіе.

О женѣ Казы-Магомета, съ которымъ знакомы уже многіе изъ жителей Петербурга — г. Руновскій не говоритъ ничего. Извѣстно, впрочемъ, что Керематъ красавица.

Жена Магомета-Шеффи, другаго сына Шамиля, полнаго, румянаго, съ звонкимъ голосомъ, которому чрезвычайно нравится русской уланскій мундиръ, восемнадцати-лѣтняя Аммиотъ—хорошенькая. Дочери Шамиля, Фатиматъ и Нафисатъ, какъ мы сказали, замужемъ за двумя братьями Зейдотъ—Абдуррахимомъ и Абдуррахманомъ. Абдуррахиму въ настоящее время семнадцать лѣтъ, а женѣ его пятнадцать—а они женаты уже три года. Время у горцевъ не ослабляетъ, кажется, супружескихъ привязанностей, и Магомет-Шеффи, и Абдуррахимъ, и другая молодежь, женатые гораздо-дольше, страстно привязаны къ своимъ женамъ. Жены отвѣчаютъ вѣроятно тоже на страсть мужей, хотя и выражаютъ свое сочувствіе иногда нѣсколько странно. Однажды г. Руновскій увидѣлъ Абдуррахима, у котораго все лицо было исцарапано.

— Что это, братъ Абдуррахимъ, съ тобою: съ кошками ты дрался, что ли? спросилъ онъ его.

Абдуррахимъ говоритъ довольно-порядочно по-русски: — Юхъ; бу менымъ Патиматъ: булай-булай, булай-булай (нѣтъ, это моя Фатимотъ: вотъ такъ, вотъ такъ). И расгопиривъ на рукахъ пальцы, Абдуррахимъ легонько водилъ ногтями по распараннымъ мѣстамъ своего лица.

— Вотъ какъ! А я думалъ, что ты съ кошками... За что жъ она такъ отдыала тебя? Должно-быть провинился въ чемъ-нибудь...

— Юхъ: кирѣшко любить мне.
— А! вотъ оно что!.. Ну, а ты жъ ее любишь?
— Я ее дублу кирѣшка ужасна.
— Молодецъ! Какъ же ты ее любишь: вотъ такъ же, какъ и она?

— Юхъ! Я ее дублу булай-булай, булай-булай. На этотъ разъ въ его жестахъ не было ничего кошачьяго, прибавляетъ рассказчикъ.

Кромѣ-того, у Шамиля есть еще три дочери: Наджоватъ и Баху-Меседу—отъ Зейдотъ, и Сефятъ—отъ Шуанатъ. Двѣ послѣднія еще малы, первая же уже взрослая. Наджоватъ очень-красива собою, но ноги ея вывернуты такъ, что пальцы ихъ сходятся при ходьбѣ. Это болѣзненное положеніе сильно огорчаетъ и Шамиля и Наджоватъ, и они просили пристава какъ-нибудь помочь несчастію, лишашему дѣвушку возможности выйти замужъ.

Калужское помѣщеніе своимъ изяществомъ поразило горняковъ. Сначала онѣ долго не могли привыкнуть къ нему, къ разной мебели, но наконецъ все приведено въ поряд-

ются, а они ругаются, да гичать!... Вотъ я тутъ и вспомнилъ, что не дай Богъ, мои казаки разомъ всѣ выстрѣлятъ; тогда, поколь опять зарядятъ, тѣ на шашки—и шашки! Нѣтъ, думаю, плохо! Оставилъ я свою позицію да и къ повозкамъ. Кричать съ мѣста побоялся; думаю, какъ крикну—татарва какъ разъ откроетъ мой залогъ, а я-то въ цѣпи. Ну, всталъ съ колѣнокъ, подскочилъ къ возамъ да и гаркнулъ: вы, ребята, патроны береги, больше какъ шесть человѣкъ заразъ не стрѣлай, и то порѣже, а то намъ не одобровать. Только я на свое мѣсто, въ залогъ, онять: тахъ! тахъ! тррр... да прямо туда, гдѣ я голосилъ. Казаки,—ажно сердце порадовалось,—имъ отвѣтъ не больше, какъ выстрѣла четыре. Ладно, думаю, молодцы! а самъ еще не стрѣляю: не нацѣлилъ. Пускай молъ разъ, да другой разъ хватятъ, тогда и мнѣ сподручно отвѣчать. Сижу, держу ружье у плеча, да и глазъ одинъ прикрылъ.

«Потаманились они еще немного, все ругаютъ насъ порусски да потатарски, кричатъ всѣ вмѣстѣ, такъ, что и не разберешь. Прошло такъ минутокъ съ-десять—притихли, видно свѣтъ держали, потомъ опять залпъ, ги!... и слышу, скачутъ прямо на насъ. У насъ хоть бы одинъ отвѣтилъ! Ни-ни... Народъ, видно, бывалъ въ дѣлахъ. Какъ дали они залпъ, да поскакали на насъ, — такъ оставалось, я думаю, имъ шаговъ семьдесятъ, восемьдесятъ,—видятъ, что мы ни гу-гу—оробѣли. А, можетъ, оробѣть и не оробѣли, а такъ: ошиблись. Когда въ атаку-то бросились, я, извѣстно, къ повозкамъ поближе. Подползъ—что такое? сто-нетъ кто-то. Наставилъ ухо—онъ, Митька. Что тебѣ? спрашиваю.—Рапентъ.—Эхъ, такъ у меня и загорѣлось. Молчи же, говорю; а самъ влѣзъ на переднюю повозку — была пуста—и жду. Не прошло пяти минутъ, какъ кто-то изъ татаръ кричитъ:

— Эй, вы, такъ-то, да такъ-то васъ всѣхъ; уходите, пока живы; намъ васъ не нужно, оставьте буйло да арбы,—не то, всѣхъ перерѣжемъ!

«Не стерпѣлъ я, право слово; обидно стало. А тутъ и Митьку вспомнилъ. Вотъ и кричу имъ съ воза:

дѣкъ и, по обѣщанію Шамиля, онѣ пріимутъ визиты калужскихъ дамъ. Посѣтительницы принимаются женами и дочерьми имама, который не бываетъ при этомъ, оставаясь въ кунацкой столько времени, сколько нужно для первыхъ привѣтствій. Затѣмъ Шамиль входитъ самъ съ сыновьями и горскія дамы, предупрежденныя о его приходѣ, опускаютъ на лица фуляровыя платки, замѣняющіе у нихъ чадры.

При одномъ изъ такихъ визитовъ, посѣтительницы просили Шамиля о позволеніи снять портреты съ его семейства. Имамъ, совѣстясь отказать рѣшительнѣе, объявилъ, что можетъ согласиться на это въ томъ лишь случаѣ, если портреты будетъ снимать дама. Дѣлая такое условіе, Шамиль былъ увѣренъ въ невозможности его исполненія. Но какъ же онъ удивился, когда узналъ, что есть дама (жена фотографа), которая готова снять фотографическіе портреты съ его женъ и дочерей! Измѣнить данному слову было невозможно и вотъ исторія портретовъ, которые были, нѣсколько недѣль назадъ, помѣщены въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ».

Посѣщеніе европейскихъ дамъ имѣло то вліяніе на горняковъ, что онѣ почувствовали надобность въ брилліантахъ, которыми владѣли во-время пребыванія на Кавказѣ и потеряли во-время войны. Что же касается до кринолина, то не знаемъ, какого мнѣнія о нихъ кавказскія дамы, весь нарядъ которыхъ состоитъ изъ архаука, сорочки, шальваръ, платка на головѣ и чевяковъ на маленькихъ ножкахъ. Горцы же съ удивленіемъ разсматриваютъ кринолины. Видя ихъ обширныя размѣры, они иногда спрашиваютъ: «неужели этотъ дама такой?» и, получивъ отрицательный отвѣтъ, съ прежнею наивностію предлагаютъ вопросъ: «а когда она умретъ, то надѣнетъ ли это, чтобы явиться къ Богу?» Дѣти горъ не привыкли еще къ искусственнымъ формамъ цивилизованнаго общества. Впрочемъ, поживуть—привыкнутъ. (Сиб. В.)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Парижъ, 17-го (5-го) мая. Господствующее теперь чувство въ политикѣ—общая тревога, доведенная до крайней степени извѣстіями, полученными вчера изъ Неаполя, Турина и Лондона. Это лучше всего доказывается положеніемъ биржи. Послѣ четырехъ или пяти дней непрерывнаго паденія курсовъ, всѣ ожидали, что они немного поднимутся. Такія реакціи, благоприятствуемыя нѣкоторыми спекуляторами, не рѣдкость на нашемъ финансовомъ рынкѣ; при томъ иногда и правительство принимаетъ свои мѣры къ тому, чтобы поддѣйствовать на курсы; этого ожидали и теперь, но, не смотря на всѣ попытки въ этомъ смыслѣ, предложенія и продажи были до того многочисленны, что оказалось невозможнымъ преградить потокъ плотиной и въ концѣ биржи рента еще болѣе упала. Надежда на годъ спокойствія и мира, на остановку посреди волнений, тревожащихъ Европу, мало-по-малу совершенно

— Ахъ ты, британ кобыла!

«А ружье все держу у плеча, на драбинку облокотилъ.

— Ахъ ты, старый чортъ, отвѣчаетъ опять тотъ-же самый, ужъ когда нибудь да сдеремъ съ тебя шкуру!

— Э, ребята, кричу имъ, да межъ вами тутъ есть и назрановскіе и камбилевскіе, коли такъ—хорошо меня знаете!

«А они какъ шарахнутъ... Черезъ мушку да по стволу мнѣ какъ будто какаа искорка такъ въ самый глазъ и вскочила;—курокъ мой словно самъ собой спустился. Еще нашихъ человѣкъ семь аль восемь выстрѣлило со мной.

«И, да и загичали-же кунаки! А ужъ я слышу, что у насъ скотина поранена: мычать. Живо зарядилъ я штуперъ, прилегъ и жду опять. Знаю, что ихней атаки намъ не миновать.

«Проходитъ четверть часа, полчаса, часъ—хоть бы кто изъ нихъ голосъ подалъ! Э, дуваю себѣ, дудки! Ребята наши пріободрились и пошли шушукаться, потомъ громче заговорили. Я ничкомъ лежу, чую: скоро, скоро подско-чатъ.

«Вотъ подходитъ ко мнѣ одинъ казакъ, кунакъ мой, Слѣпцовской (?).

— Что, Никита Трофимычъ, шепчетъ, не запрыгать ли?

— Чуръ тебя, говорю, недоросль! Нешто хочешь, чтобы всѣхъ перерѣзали? Слушай: иди назадъ, скажи землякамъ, чтобы замолчали, да возьми съ собой еще человѣка два и приходи съ ними сюда; остальнымъ вели занять аррьергардъ, а воронковскіе пусть прилягутъ по бокамъ. Если вотъ, вотъ не будетъ ихней атаки—завтра предъ всѣми добрыми людьми плюнь мнѣ въ морду, да скажи: Нитенко подлецъ! Слышь? Ступай-же живо; положитесь вы на меня. Да по-стой, говорю, Скребневъ: сколько у насъ пораненныхъ?—

(?) Подразумывается — станица.

исчезаетъ: всё предвидать новые кризисы и катастрофы въ Италіи и на Востокѣ. Этого болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы опасаться снова общаго пожара. Безпокойство еще усиливается неизвѣстностью насчетъ дѣйствительныхъ намѣреній державъ, ихъ взаимныхъ отношеній и степени довѣрія, какое можно питать къ нынѣшнимъ союзамъ. Впрочемъ отвѣтъ лорда Джона Росселя г. Локку Книгу заставляетъ предполагать согласіе между Россіею и Франціей по восточнымъ дѣламъ. Въ депешѣ изъ Мюнхена, напечатанной въ «Ind. Belge», сказано, что первая изъ этихъ державъ предложила созваніе конференціи, для изысканія средствъ къ тому, чтобы принудить Турцію исполнить въ отношеніи къ христіанамъ трактатъ 1856 г. Есть поводъ думать, что Франція вполнѣ одобрила это намѣреніе; но что сдѣлаютъ три другія державы? Англія рѣшительно противится, повидимому, этому проеку, исключаящему съ ея стороны всякое преобладаніе—но что она одна можетъ сдѣлать? Нѣкоторыя англійскія газеты сильно разсчитываютъ, кажется, на союзъ Пруссіи, но, по мнѣнію значительнѣйшихъ государственныхъ людей, берлинскій кабинетъ дурнобы повялъ свои интересы, еслибъ отделился отъ материка и сблизился съ Англіей, какъ это сдѣлала Пруссія года два или три назадъ. Вѣнскій дворъ, какъ-бы онъ ни смотрѣлъ на восточный вопросъ, никакъ уже не будетъ искать своихъ союзниковъ въ Лондонѣ. При такомъ положеніи дѣлъ Англія вѣроятно ничѣмъ не захочетъ рисковать и не останется въ сторонѣ.

Между Неаполемъ и Пьемонтомъ неизбеженъ, кажется, дипломатическій разрывъ. Неаполитанскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Карафа, жаловался съ большой энергіей представителю туринскаго двора въ Неаполѣ на поощренія или, по крайней мѣрѣ, терпимость пьемонтскаго правительства при отправленіи экспедиціи. Г. Вилларина отвѣчалъ, какъ слышно, въ весьма-твердыхъ выраженіяхъ и никого не удивить, если онъ въ скоромъ времени выѣдетъ изъ Неаполя.

Извѣстіе о препятствіи, какое оказали два англійскіе парохода стрѣльбѣ неаполитанскихъ фрегатокъ, находившихся въ марсальскихъ водахъ, въ суда экспедиціи Гарибальди, подтвердилось въ полной мѣрѣ. Какъ ни странною должна показаться роль, разыгранная англійскими пароходами, она должна же была имѣть какое-нибудь основаніе, потому-что иначе офицеры неаполитанскаго флота не признали бы такого притязанія.

Г. Бренье доноситъ, отъ 16-го (4-го) мая, что на твердой землѣ неаполитанскаго королевства пока еще все спокойно, хотя тамъ и опасаются возмущенія въ Калабріи и Аbruццахъ. Вслѣдствіе этихъ извѣстій, выходъ нашей эскадры изъ Тулона въ неаполитанскія воды приостановленъ. Въ политическомъ мѣрѣ считаютъ однако рѣшительный кризисъ въ неаполитанскомъ королевствѣ неизбежнымъ. Неаполитанское посольство въ Парижѣ два дня уже не сообщало французскому правительству никакихъ извѣстій

Два казака, говоритъ, Донцы, да парнишка твой, да быковъ съ пятокъ лежитъ въ повалку.—Э-э! ну, съ Богомъ; да гляди, живенько отдѣлывайся.

Смотрю, у насъ тихо стало: съ повозки, что за мной стояла, лѣзутъ ко мнѣ двое Донцовъ. Не разомъ братцы, говорю: мѣшать будете одинъ другому. Ты, землякъ, присядь тутъ подлѣ меня, да выйми шашку, я такой съ собой не ношу, а ты—къ другому—схоронись за мой возъ и тоже выйми свою шашку. Гляжу, лѣзетъ и Скребневъ, — я и его на указное мѣсто. Приготовь пистолы, говорю имъ и—чуръ, не дремать!

«Проходитъ еще съ полчаса. Пѣтухи знаютъ вторые поютъ у насъ въ укрѣпленіи: вѣстимо, ночи маленькія. Грѣшнень, и я усумнился: пожадуешь-ли къ намъ татарва, аль нѣтъ. Надоѣло и самому. Да нѣтъ, думаю, погожу маленько. А стало еще потемнѣе: недалеко и до разсвѣта.

«Только я этакъ подумалъ, да приготовился звѣнуть и перекреститься, какъ—на тебѣ! Шагахъ въ десяти отъ насъ вскочатъ татары,—ишь, шельмы, неслышно подползли! дали залпъ, гикнули—и въ шашки! Ружье было у меня на колѣнахъ. Я и къ плечу не успѣлъ его хорошенько приложить—выстрѣлилъ. Одинъ татаринъ такъ и брякнулся поперегъ вѣи (3). Въ арріергардѣ тоже тамаша. Ничего, думаю, встрѣтили какъ слѣдуетъ.

«Скребневъ да два земляка хватили вмѣстѣ со мной изъ пистоловъ, да потомъ пистолы-то бросили на возъ, а сами за шашки. Татары видятъ, что надуть не надули—подались маленько. Одинъ изъ нихъ подскочилъ было къ тому, что лежалъ поперегъ вѣи, да и за черкеску его. А я, врешь братъ! ужъ давно слѣзъ да держу покойника за хазыри, руку изъ-за колеса просунулъ. Тутъ вскочило еще двое, а Скребневъ не будь дуракъ, да одного прикладомъ; тѣ

о ходѣ дѣлъ въ Сициліи, тогда-какъ прежде оно было очень-щедро на новости объ этомъ предметѣ.

Говорятъ, что нѣкоторые волонтеры, встрѣтивъ препятствіе въ отправленіи моремъ изъ Генуи, отправились въ Неаполитанское королевство сухимъ путемъ, чрезъ Папскую область.

Великій Князь Николай Николаевичъ былъ принятъ императоромъ и императрицей съ особеннымъ почетомъ. Въ честь Его Высочества данъ былъ въ тольрийскомъ дворцѣ большой обѣдъ, а сегодня или завтра готовится большая охота въ Фонтенбло.

О поѣздкѣ принца Наполеона на Востокъ ничего уже не слышно, но за то утверждаютъ, что онъ отправится въ Канаду и Сѣверную Америку. (Сиб. В.).

— Въ газетѣ «Patrie» пишутъ, 19-го (7-го) мая: «Извѣстія изъ Сициліи по-прежнему важны, но въ послѣднее время кажется факты мало измѣнились. Въ Сициліи марсальскій комитетъ инсургентовъ немедленно принялъ мѣры къ тому, чтобы войти въ сношенія съ важнѣйшими крѣпостями провинцій джирджентской, сиракузской, катанской и калтанкетской, и перенести оборону на сѣверную и сѣверовосточную оконечность острова. Экспедиціонный корпусъ, превосходно-устроенный, составленъ изъ волонтеровъ Гарибальди, прибывшихъ изъ центральной Италіи, и многочисленныхъ сицилійскихъ волонтеровъ, присоединяющихся къ нимъ. Этотъ корпусъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, находился между Калатафимой и Алькано, на дорогѣ къ Палермо, оставивъ налѣво отъ себя городъ Трапани и обезпечивъ сообщенія свои съ Марсалою. Этотъ послѣдній городъ служитъ корпусу инсургентовъ операціоннымъ базисомъ. Для защиты его возведены временныя укрѣпленія, которыя дѣятельно приводятся къ окончанію и которыхъ было бы достаточно для того, чтобы оградить его отъ нападенія; но городу въ этомъ случаѣ опасаться нечего, ибо волонтеры, смѣло начавъ наступательныя дѣйствія и ставъ между нимъ и королевской арміей, совершенно обезопасили его этимъ маневромъ. Между-тѣмъ число инсургентовъ постоянно возрастаетъ». — Та же газета утверждаетъ, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ неаполитанскимъ правительствомъ, Гарибальди лично еще не высадились на о. Сициліи и что извѣстіе о переходѣ одного корпуса волонтеровъ чрезъ Папскую область въ Аbruцскія горы не заслуживаетъ довѣрія. Въ Аbruццахъ сосредоточены значительныя неаполитанскія силы и близъ римской границы поставленъ обсерваціонный корпусъ, на высотѣ Террачины и Фрозиноне. По увѣренію газеты «Opinion Nationale», волонтеры Гарибальди дѣйствительно высадились въ небольшомъ тосканскомъ портѣ, чтобы отсюда идти сухимъ путемъ въ Аbruцскія горы, но по приказанію сардинскаго правительства, которымъ намѣренія ихъ были извѣстны, ихъ обезоружили и тѣмъ отняли у нихъ всякую возможность дѣйствовать. Въ Неаполѣ,—говоритъ та же газета,—опасаются движенія со стороны ладзароніевъ и достаточные люди сильно встревожены. Одинъ ба-

назадъ. Донцы, что были съ нами, только ко мнѣ,—какъ вдругъ—трахъ! изъ пистолы, и одного Донца въ плечо. Товарищъ его подхватилъ да поволокъ за воза, а мы съ Скребневымъ одни. Я, какъ держалъ татарина за хазыри, тащу его къ себѣ, а его землякъ—къ себѣ. Просто смѣхъ, ей Богу! Я за что ни ухвачу его—все рвется. На бѣду подскочилъ другой шайтанъ, да какъ полоснетъ шашкой—прямо по вѣю! Не попалъ мнѣ по рукѣ. Утромъ я какъ поглядѣлъ на вѣю—до середины разрублено.»

Нитенко серьезно покачалъ головою.

«Я вижу, что за своего брата они крѣпко взялись, думаю: ну васъ къ чорту, берите его, что мнѣ съ него! Бросилъ. Самъ изъ-за колеса не вылажу. Взяли они двоимъ своего кунака, одинъ за одну руку, другой-за другую, да бѣгомъ отъ насъ. Мы съ Скребневымъ пока зарядили: онъ пистолетъ, я штуцеръ—татаръ уже и не видно стало въ темнотѣ. На небѣ стало видѣть: зорька. Мы перекрестились.

— Ну, кричитъ намъ одинъ татаринъ, теперь вы отдѣлались. Не будь этой старой собаки, мы бы васъ поблагодарили за арбузы.

— Проваливай, ребята, кричу имъ, да больше не встрѣчайся, а то плохой расчетъ будетъ.

«А они тутъ меня честятъ и такъ, и сякъ, и этакъ.

— Валай, братцы, думаю себѣ. На чужой ротокъ не накинешь платокъ. Попроси, мы еще и сами поучимъ красному словцу. Намъ не привыкать къ нему».

— Что-жь, вы сейчасъ и запрягать стали? спросилъ я у Нитенки.

— Чего-же думать? Запрягли, Митьку да трехъ казаковъ уложили какъ слѣдуетъ; убитыхъ быковъ нельзя было взять съ собой—бросили, а раненыхъ повели.

— Много-же было раненыхъ быковъ?

— Три убито, шесть ранено. Всѣхъ шестерыхъ мы и забрали.

кирѣ перевелъ, говорятъ, свои фонды изъ Неаполя въ Гену.

— (Ind. V.) По извѣстіямъ изъ Равенны, тамъ также организуется экспедиція, исходной точкой которой будетъ Римини. Въ экспедиціи Гарибальди участвуютъ, кромѣ Нино Биксио—Сартори, Турръ, Телецкій, Медичи и кромѣ того, французскій полковникъ и испанскій генералъ. Въ Генуѣ же завербованы, для другаго отправленія, около 350 человекъ, которыхъ содержитъ эмиграціонный комитетъ, недавно-учрежденный. Положительно утверждаютъ, что Мадзини находится теперь въ Генуѣ и управляетъ всѣмъ, что дѣлается тамъ относительно Сициліи. Прокламація его къ сицилійцамъ, въ которой онъ приставалъ будто бы къ политикѣ Виктора-Эммануила, оказалась подложною.

— Высадка Гарибальди совершилась безпрепятственно, потому-то неаполитанскій командиръ не рѣшался произвести нападенія, между-тѣмъ, какъ Гарибальди не побоялся произвести высадку подъ огнемъ пароходовъ, отправленныхъ съ цѣлью воспрепятствовать ей. Изъ письма, напечатаннаго въ газетѣ «Globe», должно заключать, что въ Марсаль находился въ то время и самъ Гарибальди, но заблужденіе на этотъ счетъ очень-возможно. Въ Парижѣ продолжаютъ утверждать, что знаменитый предводитель партизановъ лично еще не прибылъ въ Сицилію. Но во всякомъ-случаѣ, солдаты его проникнуты его духомъ, а офицеры въ-точности сообразуются съ данными имъ инструкціями. Покуда мы знаемъ положительнымъ образомъ только то, что они выдержали сраженіе противъ королевскихъ войскъ близъ Калатафимы и затѣмъ двинулись къ Палермо, гдѣ вторично объявлено осадное положеніе, не-мѣшающее впрочемъ начальствамъ безпрестанно требовать подкрѣпленій. Остальныя извѣстія затѣмъ, полученныя по телеграфу, такъ-смутны, что нуждаются въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ. Въ Неаполѣ опасаются безпорядковъ, въ-случаѣ если дворъ переѣдетъ въ Гаэту.

— Газета «Patrie» сообщаетъ, что 5,000 человекъ отправилась изъ Генуи къ берегамъ Италіи и по слухамъ, еще требующимъ подтвержденія, высадились на берегу залива Сан-Стефано, близъ Орбителло, небольшого тосканскаго городка на границѣ Папской области. Та же газета сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о первыхъ успѣхахъ волонтеровъ Гарибальди, послѣ высадки ихъ въ Марсаль: «Когда волонтеры Гарибальди высадились въ Марсаль, то прежде-всего поставили обсерваціонные посты на всѣхъ возвышенностяхъ пункта. Вечеромъ, колонна изъ избранныхъ людей произвела значительную рекогносцировку по направленію къ Трапани и возвратилась въ лагерь, узнавъ въ какомъ направленіи находится королевскія войска. Пунктъ высадки, условленный нѣсколько дней назадъ, держался въ тайнѣ но былъ извѣстенъ всѣмъ предводителямъ движенія на островѣ, такъ что ночью послѣдніе прибыли въ лагерь, чтобы согласиться насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. На другой день старыя шайки, участвовавшія въ послѣд-

— Мнѣ интересно знать, что было съ вашей снохой во время этой передраги?

— Митька говоритъ, что сноха все рыла арбузы, хотѣла спрятаться; да вреть, бестія, продолжалъ ветеранъ, самоодовольно улыбаясь, шалить.

— А все это не повредило вашей снохѣ?

— Какъ не повредить! Сбросила.

— Но послѣ вы такъ и не узнали навѣрное, были-ли то мирные татары или горскіе?

— Были тамъ всякіе: и мирные, и горскіе. Когда бросились они въ шашки въ послѣдній разъ, въ арріергардѣ мой землякъ Пыхтѣевъ, Слѣщовской-же, узналъ одного: Камбилеевскій, говоритъ, мирной. Обѣщался убить.

— Кто обѣщался?

— Да Пыхтѣевъ-же.

— Какъ-же это?

— Да такъ; если повстрѣчается когда-нибудь одного—не спросить позволенія; побожился.

— Но за это онъ можетъ подѣ суду поидти.

Нитенко улыбнулся.

— Коли бы за этихъ мошенниковъ да намъ подѣ суду поидти, то и въ Сибири было-бы тѣсно.

— Неужели не одному изъ казаковъ приходилось при встрѣчѣ съ татарами, которыхъ они подозревали въ дурномъ умыслѣ, такимъ образомъ расправляться?

— Да какъ-же иначе? Не знаю, продолжалъ Нитенко, помолчавъ немного, всѣ-ли казаки такъ расправляются, а я еще на службѣ былъ, такъ спуска имъ не давалъ.

(Оконч. слѣдуетъ)

Н. Волконскій.

(3) Вѣю, какъ мнѣ объяснилъ Нитенко,—дышло у воловьего воза.

немъ возстаніи, соединились съ экспедиціоннымъ корпусомъ и рѣшено было выступить 13-го, съ разсвѣтомъ. Выступленіе послѣдовало въ совершенномъ порядкѣ и съ этой минуты возмущеніе стало все усиливаться. Начальникъ королевскихъ войскъ, узнавъ о происшедшемъ изъ донесеній, которыя ежечасно получалъ, понявъ, что не долженъ разсѣивать силъ своихъ, велѣлъ во-время очистить Трапани, главный городъ провинціи того же имени, равно какъ и всѣ промежуточные пункты и сосредоточился въ Палермо, который и занимаетъ теперь. Экспедиціонный корпусъ съ своей стороны прибылъ къ Морреале, большому мѣстечку, верстахъ въ пяти отъ Палермо, и можно сказать, что инсургенты господствуютъ надъ островомъ, потому-что приверженцы ихъ занимаютъ его почти весь. Палермо и Мессина еще держатся; это двѣ очень-сильныя и хорошо-обороненныя позиціи. Но королевскія войска, при всей своей преданности, находятся въ положеніи весьма-затруднительномъ, потому-что населеніе острова простирается почти до двухъ милліоновъ душъ и инсургенты дѣйствуютъ съ большою энергіей...

— Туринскій корреспондентъ газеты «Nord» пишетъ, что Гарибальди высадили въ Сицилію въ такое время, когда этого никакъ не ожидали. Остановка его въ Таламонѣ и двѣ изданныя имъ въ этой деревнѣ прокламаціи возбудили мысль, что онъ намѣренъ идти черезъ Апеннины, вдоль Умбріи и Сабинны, въ Аbruцскія горы. Не мудрено послѣ этого, что извѣстіе о высадкѣ въ Марсалу было громовымъ ударомъ во всей Италіи. Такова одна изъ характеристическихъ чертъ Гарибальди и его военной системы.

— Газета «Opinion Nationale» сообщаетъ, какъ слухъ, что сильнѣйшая крѣпость Сициліи, Мессина, перешла въ руки инсургентовъ. Изъ внутреннихъ частей острова не имѣется никакихъ извѣстій, потому-что телеграфическая проволока между Мессиною и Сиракузами порвана.

— Въ напечатанномъ въ газетѣ «Globe» письмѣ изъ Марсалы морскихъ агентовъ, гг. О'Биркъ, содержится слѣдующія подробности о высадкѣ Гарибальди или по-крайней-мѣрѣ, его волонтеровъ. «Сидя въ кофейнѣ, около трехъ часовъ по-полудни, мы увидѣли вошедшихъ туда же нѣсколькихъ человекъ, изъ коихъ одни были въ красивыхъ мундирахъ, а другіе въ партикулярной одеждѣ, но всѣ вооружены ружьями и штыками. Ихъ принимали псевдиму благосклонно. Мы спросили, что это за люди и намъ отвѣчали, что высадили Гарибальди. Мы тотчасъ же вышли и узнали, что солдаты его завладѣли городомъ. Мы хотѣли прогуляться за городъ, но начальствовавшій офицеръ, весьма-красивый мужчина, сказалъ намъ, что насъ не пропустятъ безъ приказанія Гарибальди. Тогда мы возвратились на моль, чтобы переѣхать на суда и встрѣтили болѣе-значительное число солдатъ. У входа на моль насъ задержали до-тѣхъ-поръ, пока не доставили намъ пропуски отъ генерала. Тогда мы увидѣли, что высаживаются новыя войска, съ оружіемъ и боевыми снарядами. Намъ говорили, что въ городѣ находятся уже 2,000 человекъ и что ждутъ еще нѣсколькихъ; всѣ горѣли желаніемъ очутиться лицомъ къ лицу съ неаполитанскими войсками. Всѣ они казались молодцами и силачами. Они высаживались съ двухъ пароходовъ, въ присутствіи неаполитанцевъ, наблюдавшихъ за берегомъ съ двумя пароходами и однимъ паруснымъ фрегатомъ. Самое-малое изъ этихъ судовъ легко могло бы воспрепятствовать высадкѣ, но они были для этого слишкомъ-благоразумны. Какъ-скоро экспедиція высадились въ вѣрномъ мѣстѣ, неаполитанцы приблизились и открыли огонь по городу, но это была пустая трата пороха, потому-что большая часть ядеръ падала въ море. Нѣтъ сомнѣнія, что по-крайней-мѣрѣ, одно изъ судовъ Гарибальди, особенно послѣднее, могло бы быть взято, но неаполитанцы не посмѣли завладѣть имъ. Около половины седьмого, они, послѣ долгаго колебанія, забрали покинутыя лодки. Теперь мы отправляемся въ Мальту и пароходы и фрегатъ открываютъ огонь по городу, который не отвѣчаетъ. Мы не знаемъ, есть ли у экспедиціи пушки, потому-что не видѣли ихъ. Горожане приняли Гарибальди и его партизановъ съ откровенными объятіями и какъ-будто давно ожидали ихъ. Въ городѣ не было неаполитанскихъ войскъ. Мелководіе не позволяло большимъ судамъ близко подходить къ городу».

— (Ind. V.) Въ газетѣ «Pungolo» напечатана слѣдующая прокламація Гарибальди, присланная ей 8-го мая (26-го апрѣля) изъ таламонскаго порта, подковникомъ Тюрромъ: «Къ римлянамъ. Римляне! Завтра патеры Ламорисьера скажутъ вамъ, что во владѣнія ваши вторглось нѣсколько мусульманъ. Но эти мусульмане—тѣ самые, которые сражались за Италію въ Монтевидео, Римѣ и Ломбардіи, о которыхъ вы съ гордостью будете говорить сынамъ вашимъ, какъ-скоро настанетъ тотъ день, когда двоякая тиранин—ипоземца и патера, предоставитъ вамъ свободу воспоминаній! Это тѣ самые люди, которые отступили на-

время передъ воинственными и многочисленными войсками Бонапарта, но отступили съ челомъ, обращеннымъ къ неприятелю, и съ клятвою снова возвратиться въ бой и не оставить сыновьямъ своимъ другаго завѣщанія и наслѣдства, кромѣ вражды противъ притѣснителей! Да, товарищи мои сражались вѣкъ стѣнъ вашихъ, наряду съ Манарой, Мелерой, Мазиною, Мамели, Диверіо, Перальтой, Паницци, Раморино, Давіелли, Монтальди и столькими другими героями, которые почиваютъ близъ катакомбъ вашихъ и которыхъ вы сами предали землѣ, потому что они были ранены *спереди*. Враги наши хитры и могущественны, но мы шествуемъ по землѣ Сцеволя, Гораціевъ и Феручей; наше дѣло есть дѣло всѣхъ итальянцевъ. Нашъ военный крикъ—тотъ же, который раздавался при Варезе и Комо: «Италія и Викторъ-Эммануэль!» Вы знаете, что съ нами итальянская честь останется незапятнанною — все-равно, будемъ ли побѣжденными или побѣдителями.

Дж. Гарибальди, римскій генералъ, произведенный въ этотъ чинъ правительствомъ, возникшимъ изъ общаго избирательства.»

Прокламаціи въ этомъ же родѣ обращены къ неаполитанской арміи, жителямъ Неаполитанскаго королевства и сицилійцамъ.

— (Ind. V.) Вотъ буквальная копія съ одного письма, написаннаго Гарибальди, передъ его отъѣздомъ: «Генуя, 4-го мая. Любезный другъ, въ тотъ день, когда ты получишь эти строки, я уже буду далеко на морѣ. Сицилійское возстаніе скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ судьбу нашей народности. Я намѣренъ раздѣлить его участь и очутиться наконецъ въ своей сферѣ, предавшись дѣятельности на пользу великой идеи. Только это могло поднять мое мужество посреди всякаго рода разочарованій, которая я перенесъ. Пусть не упрекаютъ меня въ безразсудствѣ, а подождутъ. Я исполненъ надеждъ и довѣрія. Наше дѣло велико и благородно—единство Италіи, самая-дорогая мечта, стремленіе всей нашей жизни! Да благопріятствуютъ намъ вѣтры! Кастилія и сынъ мой со мною и дѣлуютъ тебя. Ты принадлежишь къ тѣмъ немногимъ друзьямъ, которымъ я хотѣлъ пожать на прощаньи руку. Всѣ твой

Гарибальди».

— Изъ Вѣны пишутъ «Кельнской Газетѣ»: «Неаполитанскій посланникъ, по словамъ котораго спокойствіе восстановлено въ Сициліи, уже двѣ недѣли назадъ, везапно умолкъ, хотя всѣмъ извѣстно, что онъ ежедневно получаетъ извѣстія изъ Неаполя и тогда сообщалъ ихъ графу Рехбергу. Этотъ образъ дѣйствій служитъ косвеннымъ подтвержденіемъ извѣстію, распространившемуся уже три дня назадъ, что возмущеніе усиливается и что положеніе королевскихъ войскъ весьма-ненадежно».

— Неаполитанскій корреспондентъ газеты «Ind. Belge» пишетъ: «Окрестности Неаполя заняты военнымъ образомъ и почти находятся въ осадномъ положеніи. Въ Портичи войска помѣстились въ домахъ и грабятъ все, что имъ попадется подъ руку. Въ Палермо произведена болѣе-значительная демонстрація; толпа народу кричала, расхаживая по городу: «да здравствуетъ Викторъ-Эммануэль!» Полиція, будучи не въ-силахъ разсѣять ее, позвала на помощь королевскія войска; дѣло дошло до ружейныхъ выстрѣловъ—при чемъ три человека были убиты, а десять ранены. Женщины кричали солдатамъ: «Убивайте насъ, какъ вы это дѣлали въ Карини». По неизмѣнно у участниковъ демонстраціи оружія, побѣда осталась за начальствами. Но это движеніе было какъ-бы сигналомъ усиленнаго возмущенія; такъ должно думать по-крайней-мѣрѣ, судя по страшнымъ мѣрамъ предосторожности, какія принимаетъ правительство. Недавно еще отправлены четыре фрегата, въ томъ числѣ одинъ съ оружіемъ. Кромѣ-того, губернаторъ забираетъ всѣ купеческія суда, которыми имѣетъ право располагать. Старый и негодный пароходъ «Марія Антуанета», который ходитъ изъ Неаполя въ Палермо 34 часа, вмѣсто 12, перестаетъ быть инвалидомъ и вступаетъ въ дѣйствительную службу».

— (Ind. V.) Въ Генуѣ получены извѣстія изъ Мессины, отъ 14-го (2-го) мая. Командиръ сардинскаго парохода «Губерноло» высадили въ Мессинѣ и былъ принятъ жи-

телями съ восторгомъ. Неаполитанскій маршалъ Алфонсо Ривейра, требовалъ подкрѣпленій у маршала Руссо, который отвѣчалъ, что не можетъ уменьшить въ настоящее время мессинскаго гарнизона.—По извѣстіямъ изъ Неаполя отъ 16-го (4-го), 6-й полкъ отказался стрѣлять въ народъ, во-время демонстраціи, произведенной 13-го (1-го) мая въ Палермо. Генералъ Сальцано предложилъ разстрѣлять всѣхъ солдатъ его. Шесть офицеровъ перешли на сторону инсургентовъ, а семь арестованы.

— Изъ Неаполя пишутъ, отъ 8-го мая (26-го апрѣля), газетѣ «Patrie»: «Составъ арміи въ Сициліи, который въ началѣ возмущенія былъ доведенъ постепенно до 42,000 человекъ, имѣетъ быть увеличенъ еще на 5,000. Четыре линейныя полка отозваны съ границъ для отправленія въ Сицилію. То же распоряженіе сдѣлано и относительно другихъ полковъ. Сегодня разнесся слухъ, что уланскій полкъ, производившій рекогносцировку въ окрестностяхъ Катаніи, подвергся энергическому нападенію со стороны инсургентовъ и понесъ значительный уронъ».

— Изъ Мальты пишутъ, отъ 12-го мая (30-го апрѣля): «Intrepide» пришелъ сегодня утромъ изъ Марсалы, гдѣ оставилъ пароходъ Argus». Передъ Мальтой крейсируютъ четыре винтовныя линейныя корабля, подъ начальствомъ контръ-адмирала Роднея Мэнди; четыре другіе находятся въ портѣ и готовы къ отправленію. Икакъ для защиты, если нужно, англійскихъ интересовъ въ Сициліи, не будетъ недостатка въ судахъ».

— Газета «Morning-Post» открыто желаетъ успѣха сицилійскому возмущенію и говоритъ, что итальянскій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только тогда, когда раны, нанесенныя Риму и Неаполю, будутъ выжжены и потомъ зачезутъ. Тогда все тѣло будетъ здорово и Италія сдѣлается столь же прекрасною и свободною, какою была въ минувшія времена.

— Аурелио Саффи помѣстилъ въ газетѣ «Daily News» слѣдующее письмо: «Въ итальянскихъ газетахъ появилась недавно и потомъ перепечатана въ англійскихъ, прокламація съ подписью Джузеппе Мадзини, возбуждавшая сицилійцевъ къ мятежу, во имя сардинскаго монархин. Незачѣмъ и говорить, что Мадзини сердцемъ и душою сочувствуетъ сицилійскому движенію и дѣлу итальянскаго единства; но кто его знаетъ, не можетъ не сказать, вмѣстѣ со мною, что онъ не могъ подписать этого документа. Я уполномоченъ теперь объявить, что онъ не писалъ такого рода прокламаціи и потому прошу васъ напечатать это письмо въ вашей газетѣ».

— Изъ Триеста пишутъ, отъ 14-го (2-го) мая, вѣнской газетѣ «Presse»: «Путешественники, прибывшіе изъ Анконы, сообщаютъ, что генералъ Ламорисьеръ находится еще между Урбино и Пезаро, гдѣ папская армія ежедневно усиливается волонтерами изъ чужихъ краевъ. За то въ туземномъ войскѣ часто бываютъ побѣги. Ламорисьеръ исполненъ дѣятельности, но долженъ бороться съ римскими чиновниками и съ недостаткомъ въ деньгахъ. По этой послѣдней причинѣ ему пришлось приостановить начатыя имъ въ Анконѣ фортификаціонныя работы. Онѣ состояли изъ бастіона и траншеи, сооруженныхъ по плану инженернаго майора Жоардена, но потомъ разрушились. За это майора смѣнили и отправили въ Сполетто».

ОБЪЯВЛЕНІЯ ЧАСТНЫЯ.

Честъ имѣемъ увѣдомить почтенную Тифлискую и иногороднюю публичку, что въ магазинѣ нашемъ, на Эриванской площади, въ домѣ Манделова, получены на дняхъ масляныя КАРТИНЫ изящной живописи, въ золоченыхъ рамахъ и домашніе ОРГАНЫ, кои продаются по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. *Христіанъ Рейшъ и Цахерль. Magazin de l'Europe.* 1.

Продается ТЕЛѢЖКА, на Головинскомъ проспектѣ, въ домѣ Зубалова; о цѣнѣ спросить въ магазинѣ Толле, или въ кондитерской. 1.

По случаю отъѣзда, продаются по сходной цѣнѣ: РОЯЛЬ, МЕБЕЛЬ и РАЗНЫЯ ВЕЩИ. Въ домѣ выгнни Севарсамидзе, противъ дома Аршакуни, во второмъ этажѣ.

* * * При словѣ № разсмѣляется особые прибавленія: Новыя и Извѣстія.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°.		Сирость воздуха.	Бар. при 13 1/2 Р° Русс. пог.	Напр. вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Смог.					Наив.	Наив.
24-го мая.	7 утра.	+ 14,3	+ 11,7	0,70	572,38	СЗ. слаб.	Обл. на гориз.	11,1	+ 23,6
	1 попол.	+ 23,2	+ 16,0	0,42	571,42	Ю. слаб.	Обл. мѣстн.		
	9 вечер.	+ 18,0	+ 14,0	0,60	570,97	Тихо.	Ясно.		
25-го мая.	7 утра.	+ 17,5	+ 13,5	0,59	571,55	Тихо.	Обл. на гориз.	+ 12,6	+ 23,9
	1 попол.	+ 22,7	+ 16,2	0,46	570,50	ЮВ. слаб.	Обл. на гориз.		
	9 вечер.	+ 18,6	+ 14,6	0,61	570,52	СЗ. оч. слаб.	Обл. мѣстн.		
26-го мая.	7 утра.	+ 16,1	+ 12,1	0,58	570,47	С. умѣр.	Обл. разс.	+ 14,7	+ 21,5
	1 попол.	+ 21,9	+ 14,0	0,40	569,76	С. сильн.	Обл. разс.		
	9 вечер.	+ 16,9	+ 12,5	0,55	571,20	СЗ. оч. сильн.	Обл. мѣстн. и молнія.		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Новѣйшія извѣстія.

(P. Z.) 18-го (6-го) мая прибылъ въ Карлсруэ Великій Князь Николай Николаевичъ, отправившійся въ тотъ же вечеръ въ Стутгартъ, гдѣ Онъ намѣревался провести два дня. Въ Вильдбадѣ дѣлаются приготовления къ приему Ея Величества Императрицы Александры Ѳеодоровны и баварскаго короля.

Дѣла въ Сициліи составляютъ теперь почти единственную тѣму, около которой вращаются всѣ газетныя извѣстія. Мы уже знаемъ, что сраженіе близъ Калатафимы не имѣло рѣшительнаго исхода, потому-что нѣсколько дальше отъ мѣста высадки экспедиціи Гарибальди произошло другое. Спрашивается теперь, тѣ ли же войска, которыя разбиты близъ Калатафимы, потерпѣли поражение и близъ Монреале, или въ первомъ сраженіи участвовали гарибальдийцы, высадившіеся въ Марсалѣ, а во второмъ сицилійскіе инсургенты, готовые пристать къ экспедиціи. На счетъ присутствія въ Сициліи самого Гарибальди все еще ничего неизвѣстно; многіе полагаютъ, что онъ отправился въ Калабрию.

— Мы продолжаемъ сообщать всѣ извѣстія о ходѣ сицилійскихъ дѣлъ, какія только находимъ въ иностранныхъ газетахъ. Вчера телеграфъ передалъ намъ, что инсургенты были выбиты, 24-го (12-го) мая, изъ укрѣпленной позиціи Парко, изъ которой угрожали Палермо, и что они понесли большой уронъ. Колонна неаполитанскихъ войскъ намѣревалась преслѣдовать ихъ до Пианы—города, отстоящаго на 17 верстъ къ юго-западу отъ Палермо. Въ послѣднихъ полученныхъ нами журналахъ мы находимъ между-прочимъ депешу о томъ, что официальная неаполитанская газета увѣряла, 18-го (6-го) мая, что Гарибальди лично находился въ числѣ высадившихся, число которыхъ простирается до 800 (?) человекъ, и что эта шайка, усилившись на пути, подверглась нападенію со стороны войскъ генерала Ланди, выступившихъ изъ Алькамо. Официальная газета объявила, что Ланди остался побѣдителемъ, но что города Алькамо и Портенико возмущились и приняли солдатъ Гарибальди. Тогда генералъ Ланди возобновилъ свое нападеніе и снова одержалъ побѣду. Колонна его однако возвратилась въ Палермо. Въ той же депешѣ, передавшей въ Марсель этотъ сводъ извѣстій, появившихся 18-го (6-го) мая въ официальной газетѣ Королевства Обѣихъ Сицилій, прибавлено, что, по частнымъ письмамъ изъ Неаполя, отъ 19-го (7-го), Гарибальди двинулся до Богерии, что генерала Ланди преслѣдовали при его отступленіи массы инсургентовъ, что волненіе въ Палермо возрастаетъ и неаполитанскія семейства выселяются изъ города. Впослѣдствіи мы узнали, что и французскіе и англійскіе резиденты послѣдовали такому примѣру. Провинціи палермская и трапанская очищены войсками, сосредоточившимися въ самомъ Палермо, послѣ того, какъ къ корпусу Гарибальди пристали 3,000 инсургентовъ. Вокругъ Палермо копаютъ рвы, для обороны города. По словамъ газеты «*Rapporto*», колонна Гарибальди нѣсколько разъ атаковала на морреальскихъ высотахъ королевскія войска и истребила половину 17-го полка. 7-ой же послѣ краткаго боя положилъ оружіе, а батальионъ егерей обращенъ въ бѣгство. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, наконецъ, колонны инсургентовъ формируются и въ Калабрии.

— Неаполитанскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Карафа, разослалъ дипломатическому корпусу циркуляръ, въ которомъ съ горечью обвиняетъ Пьемонтъ въ содѣйствіи, вопреки всѣмъ обѣщаніямъ, вербованію, вооруженію и от-

правленію шаякъ волонтеровъ, присовокупляя, что подобныя поступки нарушаютъ международныя законы, подвергаютъ Италію опасности кровопролитной анархіи и вредятъ всей Европѣ. Ответственность за подобныя проступки (*méfaits*) и за ихъ послѣдствія г. Карафа взваливаетъ на виновниковъ ихъ. Сардинскій посланникъ при неаполитанскомъ дворѣ, маркизь Вилламарина, немедленно протестовалъ, отъ имени своего правительства, противъ этихъ лживыхъ и оскорбительныхъ обвиненій. Въ Парижѣ попрежнему ожидаютъ войны между Пьемонтомъ и Неаполемъ—если только ее не предупредитъ быстрое и полное торжество возстаніе.

— Газета «*Morning-Post*» объявила объ отправленіи въ Сицилію генерала Филанджіери, для предложенія инсургентамъ общей амнистіи и вице-королевства принца изъ королевской фамиліи. «*Pays*» сообщаетъ то же извѣстіе, но, по ея словамъ, порученіе это возложено не на генерала Филанджіери, а на генерала Ланца. По словамъ нѣкоторыхъ, замиреніе Сициліи будетъ поручено графу Аквила, мнѣнія котораго сходны съ мнѣніями графа Сиракузскаго.

— Изъ Вѣны пишутъ «*Journal des Débats*», что австрійское правительство никакъ не допуститъ низверженія неаполитанской династіи и что поэтому въ военномъ министерствѣ замѣтна съ-нѣкоторыхъ-поръ чрезвычайная дѣятельность.

— Изъ Мадрида сообщаютъ, что неаполитанскій король, ссылаясь на нѣкоторыя постановленія фамильнаго договора, просилъ у Испаніи присылки арміи въ 25,000 человекъ, но испанское правительство отвѣчало, что, къ великому своему сожалѣнію, никакъ не можетъ исполнить этой просьбы.

— На улицахъ Парижа и предмѣстій мальчишки распѣваютъ насмѣшливую пѣсню противъ генерала Ламорисьера, которая продается по одному су и правительство не запрещаетъ ее, хотя она, очевидно, имѣетъ цѣлю возбудить ненависть рабочихъ классовъ противъ генерала, побѣдившаго революцію 1848 года. Въ этой пѣснѣ, которая называется «*Maurice et Jeannette ou la rupture amoureuse*», Жанетта, выражающая свободу, поетъ между-прочимъ слѣдующій куплетъ:

Mon cher Maurice, en vérité,
Tu me trompes, moi, ta Jeannette,
A la voisine d'à côté,
Hier soir, tu contais fleurette!

Припѣвъ: Ah! quel déboire amer!
Ton injustice
Fait mon supplice;
Je te croyais le coeur plus fier.
Qu'as tu fais là, Maurice,
Hier?

на этомъ каламбурѣ дѣлается удареніе и народъ хоромъ повторяетъ послѣдній стихъ. (Спб. В.)

— Газета «*Patrie*» опровергаетъ сообщенное нами извѣстіе о контр-предписаніи, данномъ дивизіи генерала Базена; она вся возвратится 26-го (14-го) мая въ Парижъ.

— Императоръ французовъ ѣздилъ въ свои помѣстья въ Солоньѣ, но уже 20-го (8-го) мая возвратился въ Парижъ, гдѣ вслѣдъ затѣмъ собрался, подъ его предсѣдательствомъ, совѣтъ министровъ, въ которомъ присутствовала и императрица.

— Газета «*Opinion Nationale*» сообщаетъ, что Австрія содержитъ въ настоящее время въ Римской области отъ 6 до 7,000 человекъ, подъ начальствомъ генерала Ламорисьера. Ихъ выдаютъ за волонтеровъ, но это австрійскіе батальионы, сохранившіе все свое устройство и только перемѣнившіе мундиръ въ Триестѣ, чтобы перейти въ папскую службу. Съ солдатами и офицерами не посовѣтова-

лись, а просто приказали имъ отправиться, какъ будто на регулярную службу.

— Газета «Patrie» говоритъ, что пьемонтское министерство получило во время баллотировокъ, происходившихъ 10-го мая (28-го апрѣля), большинство 67 голосовъ изъ 76, — что составляетъ фактъ, весьма-важный при нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

— Носились слухи о соглашеніи между Пруссіей, Англійей и Австріей для устройства восточныхъ дѣлъ—но все это оказалось неосновательнымъ и теперь извѣщаютъ, что Англія пристала къ мнѣніямъ Россіи и Франціи, на сторонѣ которыхъ въ настоящее время и Австрія.

— Изъ Вѣны пишутъ «Лейпцигской Газетѣ»: «Приготовленія, дѣлаемые для усиленнаго государственнаго совѣта, имѣютъ почти парламентскій характеръ. Говорятъ даже, что императоръ откроетъ засѣданія чѣмъ-то въ родѣ тронной рѣчи, которая придастъ этому торжеству еще больше значенія.—Неаполитанскій посланникъ имѣлъ на дняхъ нѣсколько совѣщаній съ графомъ Рехбергомъ и представлялся императору. Достоверно, что въ Неаполь отправлены депеши съ настойчивыми совѣтами правительству Обѣихъ Сицилій ввести у себя необходимыя реформы».

— Императоръ Францъ-Иосифъ, письмомъ на имя генерала Бенедика, совершенно отмѣнилъ постановленіе 1-го сентября 1859 года, имѣвшее цѣлью устроить протестанскія дѣла и послужившее предлогомъ къ волненію въ Венгріи, которое въ послѣднее время все болѣе и болѣе возрастало. Вѣнская Газета «Presse» предвѣщаетъ еще болѣе обширныя уступки въ пользу Венгріи, независимыя отъ религіознаго вопроса, и въ заключеніе присовокупляетъ слѣдующее: «Наклонность нравственно возстановить доброе согласіе съ Венгріей повлечетъ за собою еще болѣе-важныя мѣры въ политической сферѣ».

— Въ Венеціанской области ожидаютъ, по примѣру Венгріи, разныхъ внутреннихъ реформъ; въ томъ числѣ расширенія круга дѣйствій и большей независимости центральной конгрегации и уничтоженія намѣстничества.

— Газета «Ostdeutsche-Post» извѣщаетъ, что австрійскій интернунцій въ Константинополь, баронъ Прокешъ-Остенъ, готовившійся уѣхать въ отпускъ, получилъ предписаніе остаться на своемъ постѣ.

— Изъ Константинополя пишутъ «Кельнской Газетѣ», что въ министерскихъ кружкахъ поговариваютъ о *воззваніи къ народу*, для сформированія корпусовъ баши-бузукъ. По всему видно, что Турціи скоро придется снова вступить въ борьбу за свое существованіе. Путешественники, прибывшіе изъ Салоникъ (въ Румиліи), увѣряютъ, что тамъ сосредоточено слишкомъ 20,000 человекъ и что нерегулярныя войска безпрестанно прибываютъ туда. Сераскиръ, не смотря на всѣ встрѣчаемыя имъ препятствія, дѣятельно занимается устройствомъ арміи и недавно давалъ обѣдъ всему гарнизону столицы, а затѣмъ посѣтилъ нѣсколько казармъ, гдѣ былъ принятъ съ восторгомъ.

— Газета «Volksblatt» говоритъ, что по слухамъ, разнесшимся въ Берлинѣ, тамъ похищено еще нѣсколько депешъ, въ томъ числѣ письмо принца-регента къ принцу Альберту, супругу англійской королевы.

— Въ лондонской частной депешѣ, напечатанной въ гамбургской газетѣ «Börsenhalle», сообщено слѣдующее «достоверное, частное извѣстіе» изъ Китая: «Ультиматумъ (Франціи? Англии? или обѣихъ вмѣстѣ?) отвергнутъ и потому война неизбежна. Сѣверныя гавани находятся въ блокадѣ».

— Армія, возвратившаяся изъ Марокко, совершила торжественное вступленіе въ Мадридъ и была принята съ величайшимъ восторгомъ. Королева посѣтила войска въ лагерь и произвела имъ смотръ, а затѣмъ возвратилась

въ Аранжуэсъ. Солдатамъ африканской арміи розданы медали въ память о кампаніи и срокъ службы ихъ въ Африкѣ будетъ считаться вдвойнѣ.

Телеграфическія депеши, полученныя въ С.-Петербургѣ.

Парижъ, 26-го (14-го) мая. По полученнымъ здѣсь извѣстіямъ изъ Палермо, отъ 22-го (10-го) мая, французскіе и англійскіе подданные, жители этого города, стали перебираться изъ него на суда своихъ націй. Инсургенты занимаютъ высоты, окружающія городъ. Полагаютъ, что вскорѣ городъ будетъ атакованъ. Королевскія войска намѣремы защищать городъ отъ нападенія инсургентовъ.

Неаполь, 26-го (14-го) мая. Третьяго дня 24-го (12-го) мая, гарибальдинцы, вмѣстѣ съ сицилійскими инсургентами, были атакованы королевскими войсками, разбиты и вытѣснены изъ ихъ крѣпкой позиціи при Парко, которая и была занята королевскими войсками. Колонія послѣднихъ преслѣдуетъ инсургентовъ по направленію къ Піанѣ.

Лондонъ, 27-го (15-го) мая. Сегодня въ «Observer» (министерскомъ органѣ) пишутъ, что когда ковы, сдерживающіе неаполитанское королевство, упадутъ, то оно присоединится къ Пьемонту. Образованіе обширнаго итальянскаго государства будетъ, по словамъ журнала, лучшею гарантіею для мира.

Парижъ, 29-го (17-го) мая. Сегодня въ Монитерѣ напечатана рѣчь государственнаго министра Фульда, произнесенная имъ на земледѣльческомъ конгрессѣ въ Тарбѣ. Въ рѣчи своей г. Фульдъ исчисляетъ успѣхи, ожидаемые отъ новыхъ экономическихъ мѣръ, напоминаетъ объ умѣренности императора по окончаніи итальянской войны и говоритъ, что умѣренность въ прошедшемъ служитъ обезпеченіемъ въ будущемъ. Г. Фульдъ, указывая, что партіи стараются распространиться, несмотря на совершившіяся событія, нарушаютъ спокойствіе нѣкоторыхъ государствъ; но несмотря на волненіе, которое пытаются возбудить, Франція остается спокойною, потому-что она знаетъ, что императоръ довольно-силенъ, чтобы внушать всѣмъ уваженіе къ его правамъ. Императоръ до такой степени прямоушенъ въ своихъ сосѣдственныхъ отношеніяхъ, такъ вѣренъ своимъ союзникамъ, что не можетъ угрожать другимъ сосѣдямъ и союзникамъ.

Туринъ, 26-го (14-го) мая (*). Сегодня въ здѣшнемъ парламентѣ происходили пренія по трактату между Франціей и Пьемонтомъ. Графъ Кавуръ объявилъ, «что уступка Франціи Савойи и Ниццы необходима, потому-что поддержитъ союзъ съ Франціей. Повсюду замѣтно сильное опасеніе войны. Австрія не признала присоединенія къ Пьемонту Центральной Италіи, между-тѣмъ, какъ папа готовитъ крестовый походъ противъ Италіи.»

Въ Journal de Saint-Petersbourg напечатана еще слѣдующая телеграфическая депеша о Гарибальди, которая безъ сомнѣнія требуетъ еще подтвержденія.

Въ н. а., понедѣльникъ, 28-го (16-го) мая.

Телеграфическою депешою изъ Неаполя, отъ вчерашняго вечера, сообщаютъ, что правительство получило извѣстія о совершенномъ пораженіи Гарибальди, который, оставленный сицилійцами, обратился въ бѣгство и ищетъ случая какъ бы сѣсть на корабль.

(*). Эта депеша изъ Берлина до Санктпетербурга шла 53 часа.